

Нераненых солдат не бывает

В годовщину вывода войск рассказываем о нашем земляке, воине и патриоте

Кундуз, Пули-Хумри, Баглан, Мазари-Шариф... Непривычные славянскому уху названия врезались в память не одному призыву воинов-интернационалистов. Ох, нелегко им, вчерашним школьникам, дался этот урок географии. Кто-то сгинул там навсегда, остался под чужим солнцем. Кто-то вернулся в цинке. А кто-то, как Михаил Жукевич, со свинцом в груди.

ЗА РЕЧКОЙ ВСЁ ПОНЯЛИ

Год призыва Михаила Жукевича - 1981-й. Тогда страна еще толком не осознавала, сколько советской крови льется на квадрат афганской земли. Хотя война шла третий год, во многих городах большой страны уже знали, что такое груз 200.

- Видели скупые заметки в газетах, что-то точечно передавали по телевизору, радио. Массово войну не обсуждали,

- вспоминает собеседник. - Идти служить не боялись, это же священный долг.

Как стукнуло 18, призвали

Лельчицким райвоенкоматом, далее - областной сборный пункт в Гомеле и военчасть в Пуховичах. Там сформировали спецэшелон, двинули на юг. Вагоны забили под завязку, включая третьи полки. Атмосфера, вспоминает, была спокойная, даже веселая. Молодежь балагурила, травила байки. Ребята знакомились. Подавляющее большинство

- его ровесники с пушкой над губой.

Через 11 суток прибыли в Термез, город в Узбекистане. Их разбросали по Туркестанскому военному округу, кого в Мары, кого в Кушку. Ходила поговорка: «Есть на свете три дыры: Термез, Кушка и Мары».

Михаил остался в Термезе, попал в танковый батальон. Жили в палатках, учились на полигоне. После курса молодого бойца и присяги приехали «купцы». Солдат не подбирали по внешнему виду, заслугам. Подзывали по списку. Часть оставили, других отправили на вертолетах «за речку». То есть в Афганистан.

Белоруса Жукевича и гагауза Иванчука выбрал прапорщик Новомлинов из саперного батальона. Ребятам предстояло стать теми, кто ошибается только раз.

Их батальон входил в состав 201-й мотострелковой дивизии. В саперной роте 96 человек. Первое, что удивило,

- безлюдность палаточного лагеря. На немой вопрос «где все?» старослужащие пояснили: командированы на боевые задания. Им, безусым юнцам, понятие «боевое» пока мало что говорило. Они знали, что приехали на войну, настоящую. Но что такое ВОЙНА, не понимали ещё несколько суток.

ЕСЛИ СЛЫШИШЬ ПУЛЮ, ОНА НЕ ТВОЯ

- Негласное правило в Афгане: старики прикрывают молодых. Во время обстрелов вообще не давали высунуться, запихивали под технику, закрывали собой. До первых заданий, выездов старались максимально подготовить, обучить, предостеречь. Настроено запретили трогать незнакомые предметы на земле. А Михаил в первый же день нашел в пыли какую-то непонятную железку, то ли болтик, то ли гвоздик, да и взял с собой. Вечером построение и приказ: выложить личные вещи из карманов.

- Увидев железку, командир взвода Николай Кривченя (тоже белорус, с Брестчины) сразу спросил: откуда? Жукевича отвели к помойной яме, спустили туда штуквину на проводе. Отошли подальше. Раздался хлопок, его забрызгало нечистотами,

- То был электродетонатор. Наглядный урок, доходчивый. Но Михаил попадетса еще.

- Пошли в наряд на боевое охранение лагеря. С ним чеченец Ацаев того же призыва и один старослужащий. Ночью двое несут службу, один отдыхает, днем отдыхают двое. Молодым выпало стоять с двух до четырех ночи, глаза слипались. Обоих разбудила брань старшего товарища. Бывалый пояснил: «Мужики, если хотите домой, делайте, что говорят! Не можете не спать - скажите, не подвергайте себя и других смертельному риску». В тот же день, ближе к утру, на соседний пост напали духи.

Духи... В 1990-е так стали называть солдат-срочников до присяги. Но в Афгане были другие - смертельно опасные, беспощадные к неверным душманы, моджахеды. По сути, средневековые дикари,

религиозные фанатики, вооруженные и натасканные западными спецслужбами. Они готовы были рвать русских зубами, в бою легко жертвовали собой. Духами их назвали за особый талант появляться ниоткуда.

Обычно бой велся на расстоянии: душманы подрывали колонны минами, фугасами, обстреливали с гор. Но стычки лоб в лоб тоже случались. Своего первого духа, увиденного накоротке, Жукевичу не забыть никогда. Врагу прилетело в грудь из крупнокалиберного пулемета. Все внутренности наружу. Три дня это зрелище не выходило из головы, чуть вспомнит - сразу выворачивает. Но человек ко всему привыкает. Потом, говорит, столько повидал их трупов... Включая выкопанные при разминировании. Ничего, привык. Так работает жуткий конвейер войны.

Но к трупам своих, особенно товарищей, привыкнуть не мог, каждый образ погибшего, как заноза, оставался в сердце. Раненых старались сберечь и спасти до последнего, даже жертвуя собой.

Скоро сам запихивал в укрытие новобранцев, не давал высунуться. Приобретенный под обстрелами опыт позволял просчитывать, откуда может прилететь. Запомнил фразу комвзвода Кривчени: «Услышал звук пули, знай - она не твоя».

СОБАКИ ПЕРЕСТАЛИ УЛЫБАТЬСЯ

Афганская война во многом была специфичной, там не было четкой линии фронта и тыла. Враг уклонялся от прямых столкновений, применял партизанскую тактику, использовал хорошее знание местности. Как раз в 1981-м, в год призыва, противник развернул против советских войск настоящую

минную войну. Минировались дороги, тропинки, объекты, строения, пещеры, любые укрытия. Даже дерево, куст, камень, где ночью дежурил наряд, могли наутро взорваться под сменщиками. Вот почему саперы были так востребованы, их работа считалась одной из самых сложных и опасных. Вслух их называли смертниками.

Мин у моджахедов было валом: американские, итальянские, шведские, английские, китайские. В основном противотанковые. Враг использовал гранаты на растяжке, мины-лягушки. Саперы обращали внимание на необычные предметы, сдвинутые камни, следы на песке, растительность. Часто полагались на чутье, интуицию, которые в боевой обстановке обострялись до предела. Бывало, обнажали руки по локоть и лодыжки, снимали обувь. Только так, на ощупь, удавалось найти изоциреном установленные на тонких проволоках растяжки.

Еще хитрые душманы минировали ценные вещи. Михаилу приглянулся новенький магнитофон «Шарп», оставленный на столе в брошенном кишлаке. Спас его тот же Кривченя. Отобрал находку, поставил на камень, пальнул из пистолета - взрыв!

Медаль «За отвагу» Жукевич получил за разминирование стратегически важного трубопровода с бензином, тот тянулся в страну из СССР по гористой местности сотни километров. Саперы проверили все опасные участки, сняли не одну мину. Бойцы охраняли специалистов, восстанавливавших трубы. Не прерывая перекачку бензина! Конечно, не могли не нарваться на засаду. Завязался бой, в ходе которого уничтожили более десятка духов, завладели трофейным оружием.

В самых трудных случаях

обезвреживанием мин занимались офицеры, прошедшие серьезную подготовку. Но и он к концу службы мог справиться с задачей любой сложности. Во многом помогла толстенная книга «Инженерное дело», найденная во время уборки и зачитанная до дыр.

Наряду с письмами родным книга стала его отдушиной. А еще в роте служил сержант Владимир Кузь, украинец, слывший виртуозом в минном деле. Если было совсем непонятно, Михаил шел к нему. Но поставил себе цель: стать специалистом не хуже. И добился ее.

Применяли саперы и технику с навесным оборудованием. Прогоняли тяжеленные бульдозеры (инженерные машины разминирования ИМР), где толщина лобового стекла доходила до 15 сантиметров. Михаил с комвзвода Кривченей раз подорвался на таком. Гиганта лишь тряхнуло слегка. Когда вышли, увидели, что выбило пару катков из гусениц, сорвало рулевые тяги.

Фугас представлял собой закопанный в землю мешок с 20-25 кило тротила. Нехитрое устройство из двух досочек для контакта в колее, прикрытое пылью. Наступит человек, проедет машина, даже грузовая - ничего. А вот под БТР, танком, тяжелой фурой фугас срабатывал. Мощным взрывом сносило танковые башни, вырывало двигатели.

Найти фугасы миноискателем было нереально. Не срабатывали они и на пластиковые мины-итальянки. Здесь помогали четвероногие саперы - овчарки. Если искатель пищал на все подряд - обломки, гильзы, то собаки реагировали на взрывчатку. На беду духи сообразили, что делать. Они мелко посыпали место вокруг фугаса взрывчатым порошком. Это сбивало

собак с толку.

За нашедшую мину собаку хвалили, поощряли. Наблюдая за работой саперов, овчарка словно улыбалась, он сам это видел не раз. Если же мина долго не находилась, животные сильно переживали. Со временем, вздыхает Михаил, их эффективность сошла на нет. Но сколько они успели спасти человеческих жизней - не сосчитать.

ПОЖАЛ РУКУ МАРШАЛУ

Но война это не только кровь, грязь, трупы и стоны раненых. Каждый светлый момент в этой мясорубке, а их реально хватало, помнится до мельчайших подробностей. Все шутки, анекдоты, что травили солдаты, курьезные случаи. Как, например, с надувным бассейном - диковинкой для СССР. Где-то нашли офицеры, наполнили для себя. Ждали, пока нагреется вода, а когда пришли, глядь, в нем плещутся солдаты.

Как-то в их батальон поступил БТР с передовым оборудованием. Жукевич оказался одним из принимающих. Одетый в военно-полевую форму без погон мужчина вручил ключи механику-водителю, пожал руку всем и удалился. Подошел комвзвода Кривченя: «Вы хоть знаете, кто это был?» Оказалось, с ними здоровался командующий инженерными войсками Министерства обороны СССР маршал Сергей Христофорович Аганов. На счету Жукевича множество боевых операций, обстрелы, засады и мины, мины, мины... Раз в ущелье под Багланом, казалось, прижали наглухо. Убили одного бойца, троих ранили. Быстро темнело, помощи не предвиделось. А началось по классике - с подбитой первой и последней машины в колонне. Духов видели, но достать не могли, те

палили с карнизов гор. Минуты, часы слились в один бесконечный миг. В мозгу пульсировало: прикрыть раненых, вывести их. Помощь к ним все-таки пришла. Отбились.

Когда судьба опять привела в Баглан, снова попали в засаду. Снова враг заблокировал колонну, уничтожив несколько единиц техники. В ход пошли гранатометы. На его глазах «подарок» прилетел в БТР. Кумулятивной струей водителю отожгло ноги. Тот выполз, его оттащили. Вертолеты уже летели на подмогу. Мешавшую технику оттянули, колонна была готова к движению. Он вскочил на подножку и... Помнит, как рассыпалось лобовое стекло. Грудь обожгло.

В него попали из «Бура» - английской винтовки, из нее душманы умудрялись снимать цели на дистанции до двух километров. Пуля, которую он не услышал, разбила легкие и печень.

Его уложили, обкололи, перевязали. Колонна тронулась. В сознании был до операционного стола. Боялся не смерти - того, что узнают родители. Когда очнулся в реанимации, рядом был тот водитель без ног. Для обоих война закончилась.

Далее ряд операций. Михаила выходил в Ташкенте врач, подполковник Игорь Цыганков, поставил на ноги. Родным он, кстати, написал, что заболел желтухой. Обман вскрылся, когда пришли документы о награждении его орденом Красной Звезды.

О чем сейчас болит сердце ветерана? Да всё о тех же раненых товарищах, по которым прошлась война. Просто на войне не бывает нераненых солдат, уверен Михаил Григорьевич. Несладко пришлось воинам-интернационалистам и в мирное время. Суть афганской кампании долгое время искажалась,

до сих пор официальный перестроечный вердикт, оскорбивший тысячи солдат и офицеров, в силе.

Хлопцы уходят десятками, сокрушается председатель областной ветеранской организации афганцев. Многих скосил ковид, но и за прошлый год потеряли больше 60 - только на Гомельщине.

Знаете, спрашивает, какой сейчас самый главный страх? Боязнь не пройти аттестацию по состоянию здоровья. Понимают ли это многие молодые руководители, родившиеся после той войны?

Мы должны беречь этих людей, так хорошо познавших цену миру и спокойствию. В свои зеленые 18 сделавших единственно верный мужской выбор - стать защитниками Отечества. И бившихся за него насмерть, до конца. За всех нас с вами.

Роман СТАРОВОЙТОВ
«Гомельская праўда»